

Линь Дашань действительно удалось уговорить. Да, Юй-гэ теперь мог добывать деньги и продовольствие, и это была реальная выгода. По сравнению с призрачными пятьюдесятью лян приданого, которое ещё и могло принести несчастье, было очевидно, что важнее сохранить курицу, несущую золотые яйца. Он задумался надолго, гнев на его лице постепенно угас, сменившись расчётливым прищуром. Наконец, он махнул рукой ошарашенной свахе Ван, которая не знала, куда себя деть, и смягчил тон, но с явным намерением проводить её: «Сватья Ван, мы ценим ваше доброе намерение. Насчёт этого дела... позвольте нам ещё подумать, тщательно взвесить. Двери семьи Лю высоки, а мы — маленькое и скромное семейство, должны оценить, достойны ли мы. Вы возвращайтесь, а когда мы всё обсудим, сообщим вам ответ».

С носом, полным пыли, сватья Ван побагровела, потом побледнела, выглядя весьма неприглядно. Она думала, что дело в шляпе, а теперь оно было разрушено парой слов этим парнем из семьи Линь. Она выдавила из себя пару нервных смешков, пытаясь сохранить лицо: «Хорошо, хорошо, вы ещё обсудите, хорошенько подумайте. Условия семьи Лю действительно очень хорошие, упустите эту деревню — и не найдёте такой лавки... Тогда я пока пойду, буду ждать вашего известия». С этими словами она обиженно затрясла бёдрами и ушла, даже не откликнувшись на вежливое приглашение госпожи Лю выпить воды.

Сватовство, которое казалось «благословенным событием», было временно отбито благодаря спокойному уму и точному анализу выгод Линь Юя. Но он знал, что это только начало. Сватья Ван не оставит брокерскую комиссию легко, семья Лю, возможно, найдёт кого-то другого, а дома отец, ослеплённый деньгами, и жадная старшая невестка, по мере дальнейших изменений в семье, будет всё больше людей, имеющих на него виды. Ему нужно было быстрее накапливать силы.

Во дворе временно воцарилось спокойствие, но воздух был наполнен какой-то странной напряжённостью. Линь Дашань смотрел на Линь Юя со сложным выражением в глазах, в нём была и злость на его дерзость, и необходимость учитывать практическую пользу, которую тот приносил. У госпожи Чжао было выражение недовольства и сожаления, она украдкой поглядывала на Линь Юя. Госпожа Лю облегчённо вздохнула, но тревога в её глазах стала ещё глубже.

Линь Юй, без всякого выражения на лице, повернулся и вернулся в свою маленькую комнатку. Закрыв дверь, он отгородился от чужих сложных взглядов. Ему нужно было как можно скорее начать следующий прямой эфир, а также подумать, как трансформировать имеющиеся деньги в более реальную силу, которую он мог бы контролировать. Мудрость Бессмертного Владыки, похоже, была излишней для решения таких мелочных расчётов в мирских делах, но приходилось это делать.

Сватовство сватьи Ван было подобно огромному валуну, брошенному в спокойное (на самом деле — бурлящее под поверхностью) озеро. Хотя Линь Юй силой отбросил камень, поднявшиеся огромные волны распространились слоями и долго не могли утихнуть.

Особенно цифра «пятьдесят лян приданого», каким-то образом, словно обретя крылья, была намеренно или случайно утечка. Источником, естественно, была недовольная госпожа Чжао. Когда она стирала белье или болтала в деревне, якобы жалуясь, но на самом деле хвастаясь, она проговорила: «Эх, семья богача Лю из города обратила внимание на нашего младшего

брата, дают пятьдесят лян свадебного подарка, жаль только, младший брат слишком заносчив и не согласился...». Эта новость с поразительной скоростью разнеслась по всей деревне Сяолинь.

Пятьдесят лян!

Эта сумма для крестьян, которые трудились от зари до зари и не могли накопить и нескольких лян серебра за год, была не чем иным, как астрономической цифрой, и произвела огромное впечатление.

«Пятьдесят лян?! Правда или нет? Этот больной парень из семьи Линь стоит пятьдесят лян?» Возле большого вяза на краю деревни празднующие ели семечки и шумно обсуждали, в их голосах звучала недоверчивая зависть.

«Семья богача Лю? Это настоящая богатая семья! Как они могли обратить внимание на Линь Юя? Может, у него есть какая-то скрытая выгода, о которой мы не знаем?»

«Говорят, это не обычное бракосочетание, а для отпугивания зла! Младший господин семьи Лю умирает от болезни!»

«Отпугивание зла... тогда понятно, почему они готовы столько заплатить. Но даже для этого пятьдесят лян — это слишком много! Семья Линь собирается разбогатеть!»

«Разбогатеть? Разве госпожа Чжао не говорила? Линь Юй сам не захотел идти! Тьфу, характер у него выше неба, а судьба тоньше бумаги! Пятьдесят лян ему не нужны, он собрался замуж за императора?»

«Я думаю, семья Линь сейчас такая богатая, что не смотрит на эти пятьдесят лян? Вы не заметили? В последнее время семья Линь каждый день ест белый рис, а через день-два доносится запах мяса!»

«Точно, отец Линь Чжуана вчера ходил в город за новой тканью!»

Различные завистливые, ревнивые, предполагающие и осуждающие сплетни тихо распространялись по деревне. Семья Линь внезапно оказалась в центре внимания. Взгляды односельчан на членов семьи Линь стали сложнее: было любопытство, исследование, откровенная зависть и недобрые догадки.

Внутри семьи Линь атмосфера была столь же неоднозначной.

Хотя Линь Дашань был убежден Линь Юем и временно отложил мысль о браке, тень пятидесяти лян снежных денег всё крутилась у него в голове. Каждый раз, когда он видел Линь Юя, ему было немного не по себе: с одной стороны, он опирался на способность сына,

казалось, добывать деньги, с другой – он был недоволен тем, что тот самовольно отказался от такого «хорошего брака», чувствуя, что его авторитет был под угрозой. Когда он разговаривал с Линь Юем, его тон стал ещё сложнее, то хорошим, то плохим.

Госпожа Чжао была совершенно не удовлетворена. Пятьдесят лян! Ей снились белые серебряные монеты, улетающие прочь, и она от этого корчилась от боли. Её отношение к Линь Юю становилось всё более странным: внешне она больше не смела его бесцеремонно отчитывать, как раньше, но за его спиной она не раз шептала Линь Чжуану на ухо, говоря, что «Юй-гэ стал своевольным», «не ставит родителей в глазах», «деньги получены неизвестно откуда, не накликать ли он беду» и так далее. Вместе с тем, она изошрённо пыталась вытянуть из Линь Юя хоть какую-то выгоду, сегодня говоря «младший брат, соль почти закончилась», завтра — «Да Чжуан порвал башмаки, нужно купить новые», намекая Линь Юю, чтобы тот достал деньги.

Госпожа Лю каждый день жила в тревоге, боясь, что муж передумает и силой согласится на брак, опасаясь, что путь «добычи денег» сына навлечет беду. Она стала ещё более осторожной и заботливой по отношению к Линь Юю, словно пытаясь защитить сына по-своему.

Линь Чжуан по-прежнему молча работал, но во взгляде на Линь Юя появилось больше любопытства и замешательства. Этот младший брат, казалось, действительно полностью отличался от прежнего.

Сталкиваясь со всеми этими подводными течениями, Линь Юй сохранял абсолютное спокойствие и отстранённость. Он хорошо знал, что избыток таланта привлекает беду. Резко улучшенное питание дома, редкие новые вещи, а также широко обсуждаемое «сватовство за пятьдесят лян» были подобны огням в ночи, привлекающим мотыльков и комаров.

В его руках было более тридцати лян наличных (он постепенно обменял ещё) и более двух тысяч звёздной валюты в системе — это была сумма, которая могла вызвать у многих злые умыслы. Эти деньги были для него как стартовым капиталом, так и горячей картошкой.

Он больше не мог, как раньше, просто просить госпожу Лю покупать еду для улучшения жизни. Ему нужно было сделать источник денег более «разумным», а также начать планировать, как трансформировать эти деньги в более эффективные инвестиции и более безопасные гарантии.

В один из дней Линь Юй позвал Линь Дашаня и госпожу Лю к себе в комнату. Госпожа Чжао, не стесняясь, тоже зашла.

«Отец, отец». Линь Юй перешёл прямо к делу, положив на стол десять лян серебра. Белые серебряные слитки в тусклой комнате выглядели особо броско, привлекая все взгляды, дыхание госпожи Чжао участилось.

«Эти десять лян серебра — это предоплата за небольшую помощь, которую я оказал тому странствующему торговцу», — без тени сомнения Линь Юй придумал причину. — «Он хочет,

чтобы наша семья собрала больше горных продуктов, например, хорошие грибы, травы, или сплела прочные и долговечные корзины. Он выкупит их по цене, когда придёт в следующий раз».

Это был способ, который он придумал для временного объяснения источника денег — приписать его несуществующему, давно сотрудничающему «странствующему торговцу», и постепенно выводить деньги в виде «задатка» и «платы за товар», чтобы это выглядело логично.

Линь Дашань посмотрел на десять лян серебра, его глаза загорелись, но на этот раз он сдержался и только спросил: «Сколько он хочет? Вещи в горах не достаются бесплатно».

«Сколько сможешь. Главное — качество», — спокойно сказал Линь Юй. — «Эти десять лян серебра, пять лян пойдут на закупку горных товаров у деревенских жителей, мы заработаем на разнице в цене. Ещё пять лян, отец, ты узнай, есть ли в деревне или поблизости кто-нибудь, кто хочет продать землю, даже если это худое поле или суходольная земля, купи сначала один-два му».

Купить землю? Линь Дашань вздрогнул. Величайшим желанием земледельца была земля! Имея землю, человек чувствует себя уверенно! Это же собственность, которая передаётся по наследству! Он вдруг взволновался: «Купить землю? Хорошо! Хорошо! Это отлично! Я завтра же узнаю!»

Госпожа Чжао тоже посмотрела на него блестящими глазами, покупать землю — это хорошо! Земля — это реальная семейная собственность!

<http://bllate.org/book/18664/1799825>